

возросшему мастерству и изощренной разработке излюбленных тем. Если заглавие для его первой книги “Прощание с юностью” отсылает к стихотворению Лонгфелло “Моя утраченная юность” (“Юность промчится, как ветер, как птица, Но память о юности вечно жива...”), а заглавия для более поздних сборников взяты им из жизни и создают привязку к конкретной местности: “Между горами”, “Нью-Гэмпшир”, “Западная река”, – то стихотворные размеры, которыми написаны его лирика и драматические произведения, вполне традиционны и восходят к классическому ямбу и разговорному дольнику. “Поэт должен соображать на ходу, как тот, кто прыгает через скакалку... стихотворение утратит свежесть, если его сначала продумать, а потом зарифмовать... Стихотворение — это эмоция, возникающая одновременно с мыслью... Единственное, к чему надо прислушиваться, — это к своему внутреннему состоянию”.

Оставив позади выползину старого европейского сознания и нарастив новое, американское, Фрост стал неотъемлемой частью американской и мировой классической традиции. Он не занимает столь почетного места, как Пушкин, и ему не 200, а только 125 лет, но он не в меньшей степени сознавал себя национальным поэтом. Он был поэтом сугубо американским, и его преподавательская деятельность имела такое же значение, как и предпринятое Пушкиным издание “Современника”. В день фростовского юбилея было бы полезно и поучительно вспомнить, что самое популярное творение величайшего русского поэта, оказавшего определяющее влияние на современную литературу и культуру, – безыскусный и изящный стих о любви “Я помню чудное мгновенье...”. Ту же безыскусность и изящество мы находим в утонченном любовном сонете Фроста: